



**Андрей Дмитриевич Константинов**  
**Разработка**  
Серия «Свой-чужой», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=154553](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=154553)*  
*Свой – чужой. Часть 1: Разработка / Андрей Константинов: АСТ; Москва; 2012*  
*ISBN 978-5-17-072141-2, 978-5-9725-2136-4*

**Аннотация**

Сотруднику уголовного розыска Валерию Штукину предлагают внедриться в структуру бывшего криминального авторитета, а ныне крупного бизнесмена Юнгера. Тот, в свою очередь, планирует направить на работу в милицию выпускника юрфака Егора Якушева, парня, которого воспитал, как сына.

С этого момента судьбы двух молодых людей начинают стягиваться в тугой узел, развязать который практически невозможно...

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Авторское предисловие             | 5  |
| I. Юнгеров                        | 7  |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 28 |

# **Андрей Константинов**

## **Разработка**

© А. Константинов, 2007

\* \* \*

## Авторское предисловие

Обычно предисловие к книге писать значительно легче, чем саму книгу, – оно и понятно: и объем поменьше, и задача – попроще...

Но в данном конкретном случае, честно скажу, я изрядно помучился именно с написанием предисловия. Нет, книга тоже давалась нелегко – и не мне одному, кстати, потому что роман «Свой – чужой», как и «Тульский – Токарев», мы делали вдвоем с моим другом еще с университетских времен Евгением Вышенковым.

Сразу хочу оговориться: «Свой – чужой» – это не продолжение «Тульского – Токарева». «Свой – чужой» скорее продолжение разговора на тему, поднятую в «Тульском – Токареве», но продолжить этот разговор мы решили в несколько ином ракурсе. Возникает вопрос – если разговор, то с кем, собственно? На этот вопрос ответить как раз легче всего – с Вами, Уважаемый Читатель, только с Вами...

С другими вопросами сложнее. Предполагается, например, что в предисловии автор должен кратко объяснить – о чем, собственно говоря, книга? Чтобы получить полный и развернутый ответ на этот вопрос, нужно просто прочитать книгу. Ну а если не прятаться за спасительную формулу: «Читайте роман, там все написано»? Если не прятаться – тогда, наверное, станут понятными мои сетования на то, что писать предисловие было трудно...

«Свой – чужой» – это не детектив и не боевик. И это не «производственный роман», где рассказывается о технологии внедрения сотрудника МВД в «мафию» и о технологии обратного процесса – внедрения человека «мафии» в МВД.

Мы с Евгением старались написать книгу о жизни, но так, чтобы ее интересно было читать.

Если коротко, то «Тульский – Токарев» – это роман о мужской дружбе и воинской доблести, а «Свой – чужой» – книга о мужской вражде и о столкновении разных «правд жизни». «Свой – чужой» в какой-то мере – роман о том, какой тяжелой и кровавой может быть дорога к раскаянию, к попыткам понять, что мир не делится просто на «белых» и «черных».

Нам с Евгением хотелось рассказать историю о красивых людях, красивых, несмотря на то что каждый из главных героев – ошибается, ошибается каждый по-своему, но цена ошибки каждого – очень высока.

Наверное, книга в целом получилась грустной, хотя я надеюсь, что некоторые страницы заставят Вас, Уважаемый Читатель, и улыбнуться. Очень не хотелось делать очередную бандитско-милиейскую «штамповку» – и не авторам судить, насколько они смогли справиться с этой задачей...

Любопытна история написания романа «Свой – чужой». К этой работе нас с Евгением в какой-то мере подтолкнула одна очень уважаемая компания, производящая кинофильмы и телесериалы. Эта компания очень хотела в свое время купить права на экранизацию «Тульского – Токарева», но опоздала, договор был заключен с другой фирмой. И тогда мне было сделано необычное предложение, что называется «втемную», – предложение о приобретении прав на следующее, еще не написанное произведение... Такое в моей практике случилось впервые. Это обстоятельство нас с Евгением ко многому обязывало. Нам не хотелось подводить людей, поверивших в нас «авансом». Мы понимали, что в данном случае выкладываться нужно, может быть, даже больше, чем в обычном режиме.

И вообще, несмотря на то что сама задумка «Своего – чужого» появилась достаточно давно, – неизвестно, сколько бы мы с Евгением «раскачивались», если б не необычные предложения московских кинопроизводителей.

Мы надеемся, что в скором времени сумеем увидеть экранизацию нашего романа.

А напоследок скажу еще вот что: если какие-то эпизоды в романе «Свой – чужой» покажутся кому-то очень похожими на некие события, случившиеся в реальной жизни, – «делов не знаю», это всего лишь совпадения. И еще: не стоит усматривать в романе даже попыток некоего морализаторства...

*Андрей Константинов,  
18 ноября 2004 года*

## I. Юнгеров

*13–15 января 2000 г.,*

*Санкт-Петербург*

...«Гости съезжались на дачу»... В принципе, эту историю можно было бы начать и так – в доброй классической манере, но... Но тогда сразу же, с первых же строк, пришлось бы чуть-чуть погрешить против истины. Дело в том, что гости не съезжались на дачу, – их свозили.

Маленькая такая деталь, но, как известно, именно в деталях и прячется дьявол...

Итак, гостей свозили на дачу... Впрочем, это была и не совсем дача. Это было... Черт его знает, что это было такое и какое именно слово лучше всего подходило к загородному... дому... нет, не дому... сооружению, принадлежавшему Александру Сергеевичу, – и опять же не Пушкину, а Юнгерову – «человеку и пароходу», известному в Петербурге все же чуть меньше, чем классик русской поэзии. Зато даже Пушкину, обладавшему, как и многие гении, даром предвидения и способностью опережать время, вряд ли бы (пусть и в творческих грезах) привиделась огромная домина господина Юнгера – четырехэтажная плюс один этаж под землей.

Строение это начали возводить еще в самом начале девяностых, когда вкусы и возможности даже у самых «продвинутых» в Питере были все же советскими. Потом вкусы и финансовые возможности начали меняться, а домину все строили и строили, меняя проекты на ходу. Грандиозное строительство, напоминавшее чем-то возведение пирамиды серьезным фараоном, не прекращалось даже после того, как хозяин сел в конце девяносто второго года. Сел господин Юнгеров за «вымогательство в составе организованной группы» и получил, между прочим, семь лет – а в те времена нужно было очень постараться, чтобы получить такой срок за вымогательство. Сия «чисто бандитская» статья в те лихие годы по сложившейся практике оборачивалась для привлеченной по ней братвы тремя (ну в крайнем случае – четырьмя) годами в приговоре. Но семь... Крепко, видать, насолил Юнгеров со своей командой кому-то наверху, поговаривали в бандитском Петербурге...

Освободившийся по УДО Александр Сергеевич влил новые деньги, энергию и идеи в возведение загородного особняка, и примерно за год до описываемого сейчас события «стройка века» в основном завершилась. «В основном» – так как совершенно она закончиться не могла в принципе: Юнгеров не позволил бы, ему все время приходили в голову новые и новые идеи разных переделок, дополнений и т. д. и т. п. Такой уж он неугомонный был человек, вечная стройка отражала состояние его души, и если строить было больше нечего, то Александр Сергеевич с тревогой ощущал признаки надвигающейся меланхолии.

С учетом всего этого домина вышла, мягко говоря, необычной. Получился этаким поражающий воображение гибрид рыцарского замка, купеческого терема и современного европейского дома... Разумеется, все это великолепие было окружено огромным парком, границы которого очерчивали едва ли не крепостные стены и – берег очень красивого карельского озера. В парке, само собой, было полно разных бань, беседок, охотничьих домиков и летних кухонь – даже сам господин Юнгеров назвал бы точное число этих подсобных сооружений лишь после небольшой заминки.

Александр Сергеевич свое загородное имение называл «Аэродромом», что было неудивительно, так как его самого в определенных кругах именовали Юнкерсом. Господин Юнгеров в последнее время, представляясь разным интересным людям – возможным партнерам и просто состоявшимся личностям с нормальным чувством юмора, – величал себя «бывшим бандитом, а ныне – мирным магнатоолигархом». Если собеседник в ответ на такую саморекомендацию по-человечески улыбался, то он становился Александру Сергеевичу интересен

и у знакомства появлялась взаимноинтересная перспектива – либо деловая, либо «отношенческая». С теми же, у кого Юнгеров после своей коронной фразы видел в глазах тень опасения, он старался знакомство не продолжать.

К рубежу тысячелетий Юнкерс подлетел не только с багажом интересной биографии. Мир изменился – изменился и Александр Сергеевич. Гангстерские войны, заливавшие Питер кровью в начале и середине девяностых, отгремели. Выжившие в них лидеры должны были становиться капиталистами, если хотели выжить «социально». Юнгеров быстро научился зарабатывать, а не «отбивать лавэ завтра». Ему стали интересны проекты с глубокой перспективой в будущем. Команда Юнкерса, не распавшаяся после посадки лидера и большинства его окружения, сумела перерасти из преступного сообщества в настоящую финансовую структуру. «Мы теперь – мирные люди, – шутил по этому поводу Юнгеров, – но у нас есть бронепоезд, он на ходу, а на каком запасном пути мы его прячем – мы никому не скажем»<sup>1</sup>. Империя Александра Сергеевича включала в себя рынки и магазины, заводы и кинотеатры, она проводила престижные теннисные турниры и создавала фонды для математически одаренных детей. Биографию свою Юнгеров никогда ни от кого не скрывал и не пытался «подчистить», однако потратил достаточно сил, средств и нервов, чтобы питерские СМИ, после нескольких выигранных адвокатами Юнкерса судебных процессов, называли его не иначе как «авторитетным предпринимателем», а не «одним из лидеров бандитского Петербурга». Да и вообще к двухтысячному году в Питере в определенных кругах вспоминать об «интересном прошлом серьезных людей» стало признаком невоспитанности. С Александром Сергеевичем считались, с ним имели дела и политики, и чиновники самого высокого уровня – а куда им было деваться? Обойти такую глыбищу было трудно... да и стоило ли? Империя Юнкерса платила государству колоссальные налоги, и государство эти деньги принимало... И все же... Иногда Юнгерову, несмотря на все богатство и на все возможности, которые даже и не снились обыкновенному человеку, чудился порой шепоток за спиной: «Бандит...» В глаза, конечно, никто ничего не говорил, но... Наверное, похожие ощущения испытывали раньше приписные дворяне, попав в общество столбовых, – все очень вежливо, но...

Стало быть, гостей свозили на «Аэродром Юнкерса». Свозили – не потому, что насильно, и не потому, что гости сами бы не смогли добраться – у большинства приглашенных, конечно же, имелись и собственные машины, а у некоторых – и персональные шоферы... Но – Александр Сергеевич не мог позволить гостям в этот день, когда по всей России празднуют старый Новый год, добираться своим ходом. Господин Юнгеров собирались гулять – и не просто гулять, а с выходом, заходом и чечеткой. Дело в том, что именно в этот день Александра Сергеевича угораздило родиться. И именно в двухтысячном году ему исполнилось ровно сорок лет. Надо сказать, что Юнкерс никогда свои дни рождения особо широко не отмечал, а иногда не отмечал и вовсе. А тут вдруг решил, и не просто решил, а «чтоб все по-взрослому было». Поэтому гости были предупреждены заранее о том, что за ними заедут, и о том, чтобы не рассчитывали откланяться ранее чем через день. По такому случаю отказать Александру Сергеевичу никто не смог, потому что собирал он не абы кого, а людей близких, почти родных, тех, кого любил и кто любил его. Причем приглашал Юнкерс персонально – без мужей-жен, с которыми вопросы заранее «утраивались» – в каждом случае по-разному, но всякий раз без ущерба для приглашенного. Юнгеров и его люди умели объяснять и убеждать не только силой, но и обаянием.

---

<sup>1</sup> Каламбур вокруг строчек известной советской песни «Каховка»: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути».

Всех гостей свезли к «Аэродрому» почти синхронно и торжественно препроводили в огромную залу – кухню, стены которой были сложены из гранитных валунов. («Моя кухонька, – любил иногда похвастаться Юнкерс, – легко атомную войну переживет!»)

На стол, больше похожий на волейбольную площадку, поставили много всякого разного...

(Когда повар спросил, как накрывать, и начал было перечислять что-то, Юнгеров разозлился:

– Что ты мне своим образованием манерным тычешь?! Ты пойми: надо, чтоб с душой... Придут друзья, родные мне люди, близкие женщины... Надо, чтоб вот как... Не так, чтоб черную икру ложками, а... чтоб тоже ложками, но... Короче! Ты же у нас по заграницам учился? Ну и давай! Некоторые будут из небогатых, но надо, чтоб и они... Понял?

– Чего уж тут не понять, – вздохнул специалист по разным кухням, которому Юнгеров не разрешал лишь картошку на сале жарить, и отправился «колдовать». Колдовал он трое суток.)

Когда все расселись, хозяин встал во главе стола и обвел гостей глазами. Стало тихо. Александр Сергеевич вдруг потянулся с хрустом всем своим громадным сухим телом, смешно сморщил курносый нос. Прищурил зеленый глаз, провел рукой по коротким с проседью волосам, кашлянул и начал:

– Граждане!

По залу плеснул смешок. Александр Сергеевич чуть смутился, но тут же продолжил:

– Дамы и господа! Товарищи! Ну, не умею я речей говорить, дорогие мои. И вести себя прилично не научился – так, чтоб в собственном доме это органично получалось. Недолго позаставлять себя могу – это если с чужими, а так... Но не в этом дело, и не об этом, как говорится, речь... Так вот: я вам всем верю. Люблю и верю, а потому верю, что не обидитесь... За столом сегодня все свои. И вы всё друг про друга знаете, конечно, хотя многие за одним столом оказались впервые... Так уж вышло... Я пару недель назад чего-то такое мямлил про то, что, дескать, сорок лет не отмечают, не справляют – не вправляют... А потом решил – какого черта?! Суеверия какие-то дикие, так еще недолго – и в гороскопы верить начнешь... И захотелось мне собрать всех у себя. Чтоб за моим столом, в моем доме, сидели и смотрели на меня те, кто мне не просто дорог, кто мне... помог. Помог искренне, и в тяжелые дни, и в светлые, помог, как товарищ, как человек, который знает, что он прав по самому гамбургскому счету. Я рад смотреть вам в глаза, я вас всех обнимаю. И говорить сегодня буду я, и не потому, что я – это я... Я буду говорить искренне сокровенное про каждого. И тем самым самому себе подарок сделаю. Я во всем этом великолепии только идею подготовил, зато какую! Кстати, я не репетировал, так что... Черт его знает, с кого же начать... Ну не по алфавиту же... Мы же – люди! Вот буду просто на вас смотреть и говорить. Если получится что-то невпопад – простите и не хмыкайте... А пока – для затравки – приму-ка я в вашу честь... шампанского! Вы все знаете – я шипучку не пью. Но по такому случаю... Вот – урожай хрен знает какого года... Ну, дорогие мои, за вас!

Александр Сергеевич напузырил бокал через край, чокнулся с теми, до кого дотянулся, остальных обвел глазами и махнул драгоценную влагу залпом, а потом хрястнул хрусталем об пол. Все загомонили, зазвенели приборами, засмеялись и расслабились. Юнгеров куражливо помотал головой и, пробормотав известную присказку по поводу первой и второй<sup>2</sup>, потянулся к пузатой бутылке водки:

– А давай-ка мы, брат, водки треснем... А?

Эту фразу Юнкерс адресовал не кому-нибудь, а полковнику Крылову Петру Андреевичу, заместителю начальника уголовного розыска всего Петербурга.

<sup>2</sup> Известное российское застольное выражение: «Между первой и второй – перерывчик небольшой».

– А то! – ухмыльнулся полковник. – Дай-ка бутылек...

Крылов был одногодком Юнгера, но – почти совсем седым. Седина ему, конечно же, шла. В Петре Андреевиче крепкая крестьянская жилка чувствовалась даже со спины. В драках он не «рукопашничал», а сразу целился в кадык, в разговорах при первом знакомстве всегда норовил чуть разозлить собеседника, чтобы понять его натуру. Злить же умел просто взглядом – прямым и твердым, как бревно в лоб.

– Нетушки, Петя, – Юнгера не позволил полковнику разлить. – Я говорю сегодня, я и ухаживаю... Специально лакеев разогнал. Сами как-нибудь справимся, если не передеремся... А что? Люди собрались разные, не факт, что все друг с другом ладят... Ничего, если какие-то трения – так это лишь до первой атаки...

Александр Сергеевич ловко наполнил два стопарика, которые когда-то называли «сталинками». Их ему специально нашли на толкучке, Юнгера и Крылов обожали пить именно из них. Крылов, надо сказать, вообще любил все «сталинское», а у Юнкера так проявлялась ностальгия по деду – кадровому военному, «сталинскому соколу». Еще покойный дед ассоциировался хозяином со стоявшим тут же, на «кухоньке», резным, метра три высотой, «генеральским» буфетом.

Держа в одной руке стопарик, Юнгера, умудряясь не расплескивать его содержимое, начал обходить остальных и разливать: вина, водки, коньяки и всякое разное остальное – кому что нравилось. Разливая, приговаривал, чтобы паузу заполнить:

– Вот это – это... один олигарх говорил, что круче нету... А это – это из Испании с уважением прислали – вроде бы какой-то гений любил... а это... это... хрен знает, что это, но, думаю, не отравимся...

Когда у всех было налито, Юнкера поднял высоко свой стопарик и сказал весело, но с надрывом:

– Давай, ребята, закусь разбирай, чтоб быстро не напиться! Схрюпаем это усе! Мы ведь можем и сало, лично я больше всего люблю жареную картошку с докторской колбасой, но! Но сегодня мы будем есть ЭТО! Вот так им всем!

Он заражал своей энергией – и аппетит просыпался даже у тех из гостей, кому поначалу и есть-то не очень хотелось, – да как удержаться в таком раблезианском, но очень русском разгуле?

– Пью за Петра! – Юнгера опрокинул в себя стопарь, закусил чем-то с чьей-то тарелки, подышал носом и, пока все заедали тост, начал негромко рассказывать – впрочем, акустика в «кухоньке» была отменной, так что слышали все отчетливо каждое слово, даже на противоположном конце людоедского дубового стола: – Итак, Петр Крылов, прошу любить и жаловать! Первый он мне под руку подвернулся – стало быть, так тому и быть! А дело было так: много лет назад, в другой жизни, привезли меня в один таежный лагерь. Не скажу, что как падаль по грязи волокли, но и малиновые дорожки не стелили... Подустал я от всей этой пурги на корточках, от овчарок промозглых и вохры в вонючих тулупах. Чуть отоспался на новом месте – и зовет меня к себе кум<sup>3</sup>. Ну, захожу. Захожу, так – уважая себя, но настороженно. Мало ли... А вдруг – там устав такой, что с порога да в рыло? А за столом сидит человек, лоб трет устало. И спрашивает вдруг: «А чего это ты шапку в коридоре снял, а не при мне в кабинете?» Я молчу, руки на яйцах замочком сложив. Ну не за спиной же мне их держать, как мужику?! А он снова спрашивает: «Откуда и зачем?» Мол, не звали. А я ему: «Пришел за дело, но вину не признаю, да и не доказана она, кстати!» Он ухмыльнулся и зубом цыкнул: «Чую, звонком<sup>4</sup> отсидишь». Я в ответ: «Не хотелось бы, конечно,

---

<sup>3</sup> Кум – на лагерном жаргоне – начальник оперативной части.

<sup>4</sup> Отсидеть звонком – на лагерном жаргоне означает отбыть весь срок «от звонка до звонка», т. е. без выхода на условно-досрочное освобождение.

но ежели именно так родине-матушке надо – готов пострадать, пика не услышишь!» Он: «Все семь?» Я: «На одной ноге, ежели поперло на характер!» Да... И вот посмотрел ты тогда на меня, Петя, по-человечески. Вот, дорогие мои, это как бывает, женщина на мужчину глянет через стол... и вроде бы муж не замухрышка рядом, а уже кое-что понятно... Я взгляд тот поймал и тоже глазами улыбнулся... А кум Крылов говорит: «Иди с Богом, отдыхай, впереди вечеров не счесть, успеем еще покалякать про всякое разное». И снова рукой лоб трет... Вот прямо как сейчас!..

И Юнгеров положил руку на плечо полковнику, действительно чуть смущенно потиравшему лоб. Крылов хмыкнул, схватил два ножа и начал осторожно делить ими на части какую-то диковинную снедь в тарелке – видимо, скатерть забрызгать боялся. Но все же забрызгал. Александр Сергеевич плеснул себе и ему водки, и они выпили – только вдвоем. Юнкерс крикнул:

– Хорошо пошла! Эх, была не была! Счастье – есть! Да... А потом, потом много чего было... Друг друга брали на «рры». Потом стебались друг над другом – интересно нам так было. Потом кофе растворимый пили до полуночи, рассказывая про жен и про не жен... потом резня была в шестом отряде из-за трехлитровой банки с коньяком... потом... потом мы друзьями стали и вместе много чего хорошего сделали для зоны. Ну... и для себя тоже. Короче, это вот – Петр Крылов – он меня на свободу вытащил! Кум! А мне так с ним понравилось, что даже и выходить не хотелось. Жалко расставаться было – ужас! Прямо хоть обратно за КСП<sup>5</sup> прыгай! И стал я тут кумекать. Напряг мозг. И – вытащил Петра из его тайги к нам в Питер. Непросто это было, а самым непростым – его самого уговорить. Но – сладились, и стал он у нас начальником, и притом любимым начальником у многих! Ой, сколько же он у меня крови выпил! Ты, Петр, лоб-то не три... Я не буду говорить о том, насколько в Питере меньше упырей стало, – многие слышаны... Первого пойманного здесь душегуба-насильника он забил в мясо, сам чуть не сел... Да... Тот маньяк – вменяемый, кстати, – когда мальчиков насиловал, то рвал им все... Простите, милые дамы, но как по-иному объяснить... Впрочем, которые за этим столом – сами не из слабонервных... Да, так вот тогда Петя все ж таки не сел – его внутренняя правда мира защитила...

Сидевшим за столом не надо было объяснять, что Крылов помог Юнгеру выйти на волю побыстрее не за деньги, – Александр Сергеевич никогда бы не посадил за стол среди своих купленного человека. Но Юнкерс все же решил сказать и об этом, словно отвечая на чьи-то злые шепотки:

– И если где какой-нибудь пес поганый лает, что, дескать, Крылов – человек Юнгера... Я и мои друзья – мы все хрястнем его по харе и скажем: «Врешь, животное, Крылов – человек, опер прекрасный и – друг Юнгера, а этого тебе, курица копытная, никак не понять!» Некоторые пытались... Ну, начальник ГУВД Крылову даже сказал как-то: «Ты, Петр, парень видный и незаменимый, а все же будь поосторожнее». А он поосторожнее – не стал! Нельзя дружить осторожно. Помнишь?

– Да всякое было, – Крылов усмехнулся и налил себе еще стопарь. – Я как-то одному коллеге сказанул, когда он объяснял нам, что тебя привлекать надо, правда, сам не мог четко сформулировать за что... Я ему так, по-уральски, в харю прицелился и говорю: «Юнгер не очень хочет, чтобы у него что-то эдакое нашли, и поэтому он сделал так, чтобы у него никогда и не искали...» Тот и не нашелся, что ответить. Сейчас, кстати, большой человек в центральном аппарате и с тобой в хороших отношениях.

– Володька, что ли? – усмехнулся Юнкерс.

– Он, – хмыкнул полковник. – Еще пальцем мне тыкал... Я ему сказал – пальчик-то побереги, сломаю...

<sup>5</sup> Контрольно-следовая полоса.

– А что ж ты мне раньше-то не рассказывал?

– А велико ли событие? – приподнял плечи Крылов.

Александр Сергеевич рассмеялся и махнул рукой:

– Ой, да не сбивай ты меня, бес... Я сам собьюсь... Да, многие начальники хороши хотя бы тем, что за деньги твои же тебе же зла и не сделают. А вот с Петром у нас совсем другая песня... Да, кстати, о песнях... Где песни?

Юнкерс покрутил головой, ища мажордома Гошу, бывшего оперного певца:

– Гоша, а где песни? Я тут распорядился немного, сейчас будут песни – правильные, наши песни!

«Кухоньку» закачал вальс «Амурские волны», сменившийся на «На сопках Маньчжурии».

Пять дней назад Юнгеров объяснял чesавшему затылок Гоше:

– На один диск собрать «Славянку», «Мы так давно не отдыхали», «Нас извлекут из-под обломков» и так далее... Ты же музыкант, Гоша, хоть и бывший. Ты общую интонацию уловил? А то тебя самого вместе с консерваторией из-под обломков извлекут. Привыкли, понимаешь, к попсе... Поставь раком все музыкальные салоны. Денег не жалеть. Чтoб за такие деньги они, в случае чего, сами и спели, и сплясали...

Александр Сергеевич выпил с Крыловым на брудершафт:

– Я обнимаю тебя, Петя! Я ни о чем не жалею! И не пожалею ни о чем! Я счастлив, что меня привезли в твой лагерь! А Хозяин<sup>6</sup>, Хозяин-то у нас был какой! Ой! Ай! Как из кинофильма про ужасы тридцатых годов! В папaxe, в тулупе, с портупей, пьяный в хлам! Вспомнить жутко!

– Да ну тебя, Сергеич... аж озноб пробежал, – и впрямь поежился Крылов. – Уф... До сих пор...

– А все ж таки мы его на свою сторону убедили, – победно заулыбался хозяин «Аэродрома». – Недавно в гости приезжал...

– Да уж докладывали... – хмыкнул Крылов. – Хулиганство заминать пришлось... Витрины в китайском ресторане словно не бывало.

– В японском! – Денис, правая рука Юнкерса по жестким вопросам, поднял палец. – Что значительно дороже, между прочим! Тонна баков – это без праздника внутри и мусоров в территориальном.

Александр Сергеевич, вспомнив разбитую витрину, захохотал в голос. Отсмеявшись, утер слезу:

– Я, как его увидел – ласточкой стреноженного, так низкий поклон отвесил помощнику дежурного отделения, которому он этак – по-хозяйски – нос на сторону убрал... Спасибо, говорю, братец, от души порадовал... Нос-то недорого встал, в полсотни зеленых всего... А радости-то сколько было... Кричу Хозяину сквозь слезы: «Гражданин начальник, тут вам не лагеря, в Питере нельзя в харю без разбору тыкать». А он рычит: «Сопли утри мусоркам своим питерским! Двадцать минут старика вязали. Да конвой за это время этап до Перми проволочь может!» Ой, беда была...

За столом между тем постепенно делалось шумно. Денис Волков уселся и развалился поудобнее. В него уже не очень лезло, но он норовил еще попробовать по кусманчику с каждого блюда.

Денису было немногим больше тридцати лет, и он был красив редкой мужской красотой, не имевшей ничего общего со смазливостью. С такой внешностью ему надо было бы играть положительных героев в фильмах, но, когда он открывал рот, многие удивлялись некоторому несоответствию между его речью и внешностью. Впрочем, в последнее время

---

<sup>6</sup> Хозяин – начальник лагеря.

это несоответствие стало сглаживаться – после того, как Юнкерс объявил о «демобилизации» своей бригаде братков и о том, что ему нужны теперь не бойцы, способные съездить на десять «стрелок» в день, а грамотные менеджеры, юристы и экономисты. Денис пошел учиться. И не куда-нибудь, а в университет. Вот только факультет выбрал несколько неожиданный – географический. Когда его спрашивали о причинах такого странного выбора, Денис отвечал, что, мол, бабка его всегда говорила, дескать, нормальный человек должен хорошо знать географию. Он это говорил всерьез, хотя многие воспринимали сказанное как шутку. Бабушку свою, дочку врага народа, Волков очень любил. Дед его, с малолетства мотавшийся по лагерям, познакомился с ней в Сусумане. Странно, но лагерный оголец и девушка из интеллигентной семьи с корнями всю жизнь крепко держались друг за друга, и от их союза родились красивые и сильные дети, обладавшие необычными способностями. Часть этих свойств от отца, видимо, перешла к Денису. Волков, например, ни разу в жизни не обращался к дантисту, а клыки у него были – как на рекламных буклетах. Он ими иногда открывал пивные бутылки. У него не закладывало уши во время перелетов на самолетах. Денис абсолютно не боялся щекотки и мог смешивать любую пищу – кефир со шпротами или дыню с хреном. Он не потел в жару, не дрожал в холоде и мог целый час не моргать. Еще он умел двумя пальцами ловить на лету муху. Однажды он на спор проехал на машине за рулем весь Невский – маленькая деталь – с завязанными глазами. Маневрировал он по голосовым командам рядом сидевшего приятеля, взопревшего от напряжения. Да, при этом он еще и курил. Фактически Денис руководил оставшейся при Юнкерсе маленькой личной бригадой, но, поскольку дел для нее в последнее время находилось немного, Александр Сергеевич еще использовал Волкова как адъютанта для сложных поручений и как человека, способного заткнуть собой любую дыру в империи. Однажды Денис даже руководил целым заводиком – месяца полтора, пока не нашли приемлемую кандидатуру в директорское кресло. Как-то раз Волков сказал: «Если будет надо, я могу и „маленького лебедя“ на сцене станцевать без подготовки. Вот только за реакцию зрителей не ручаюсь».

Юнгеров почти никогда не видел его выпившим и сейчас смотрел на него, чуть захмелевшего и подпевавшего грянувшему из динамиков «Варягу», с умилением: «Друг ты мой дорогой, сколько ж ты натерпелся от меня! Я сейчас расскажу друзьям про золото... Не про то, что в слитках в федеральном хранилище, а про неровного, шершавого самородка, про тебя, дорогой ты мой...»

Александр Сергеевич вдруг улыбнулся, вспомнив про то, как Денис сел. У него и посадка вышла странной: за несколько дней до того, как замели самого Юнкерса с ближним кругом, машину Волкова зацепили своей разбитой «девяткой» два каких-то полублатных черта. Остановились. Блатари решили завиноватить франта в белой рубашке и вынули ножи. Денис вынул ножку от стола, которую всегда возил с собой. Взмахнул он ею всего два раза, потом долго вздыхал, глядя на трупы, потом вызвал милицию. Так что в «Крестах» он оказался чуть раньше всей остальной «грядки» и как бы отдельно от «коллектива» Юнгера. В том смысле, что его не привязывали к банде (видимо, из-за неразберихи и несостыкованности в картотеках различных служб), а просто вломили «превышение необходимой обороны». В «Крестах» он провел полтора года и на свободе оказался раньше всех, так как суд, признав его виновным, постановил «ограничиться отсиженным». Денис потом смеялся: «Правду, значит, говорят, что раньше сядешь – раньше выйдешь».

Александр Сергеевич положил руки Денису на плечи и сказал громко, для всех:

– Волков Денис, он... Помните, как Джон Сильвер представлял свою бригаду у... тьфу ты, команду: «Посмотрите на эти лица, это все – опытные моряки...» Да... А вы гляньте на его лицо – это вам не бычье в «мерсаках». В нем искорка есть, за то и бабы любят! Ален Делон! А я его как личность увидел, дай Бог памяти, еще в далеком восемьдесят восьмом

году. Они тогда – молодежь наша боевая – решили на Валаам прокатиться, ну и, конечно же, нашли какую-то такую же братву на теплоходе... Ой! Что там было! Даже баграми кидались... Короче, с корабля их снимали с ОМОНОм... Но история-то на этом не закончилась. Дело в том, что эти пацаны разбили Денису плейер, стоивший восемнадцать долларов США... Ну, естественно, забивается «стрела»... Тогда правила такие были. Хорошо, я вовремя узнал – меня как током дернуло. Я и с татарской стороны Ноиль Рыжий успели приехать к разбору. Денис орет казанцу: «За плейер ответишь – едем в лес вдвоем, одна машина, две доверенности, одна лопата, два ножа! Ну!» А «казанский»-то тоже с придурью, щекой дергает... Ноиль уж на что сам отморозком был (царствие небесное, застрелили его в девяносто втором), а головой так покрутил, сигаретой затянулся и тихо-тихо говорит: «Хорошо. Я куплю ребенку плейер...» Во были времена! Во – Денискины рассказы! А потом, когда Денис вышел, а меня еще в лагерь не отправили, – мы тогда на Лебедева<sup>7</sup> тусовались. Денис подъехал и с гаражей соседних мне кричит по поводу одной острой тогда темы: «Александр Сергеевич, не волнуйтесь, я решу вопрос!» И показывает над головой гранатомет! У меня чуть инфаркт не случился! Еле утихомирили его, чтобы он не наreshал ничего сгоряча-то... Сам ведь только-только освободился – и с гранатометом по городу! Иногда мне кажется, что мы тогда жили в одном из кругов ада, но зато дышали полной грудью... А Денис стал одной из моих рук – не знаю, правой или левой, но рука эта называется «любой ценой!» Есть у него присказка про дверь... Скажи-ка мне ее, Дениска, еще раз, вместо тоста!

Волков встал, одернул пиджак, сидевший на нем, как на известном шоумене, и поднял красивую пузатую рюмку с коньяком какой-то умопомрачительной выдержки:

– Если нет ключа – надо добыть отмычку, если отмычка не открывает – надо выломать дверь, если дверь не вышибается – надо снять ее с петель, если петли внутри – надо уронить стену. Все. Маленькое дополнение – это если надо любой ценой и если это надо тебе. За тебя! – Денис выпил и сел под общий смех и аплодисменты. Юнгеров надулся гордо, будто аплодисменты сорвал он сам:

– Во как! Видали?... Я... мне легко вспоминать те годы, ту прошлую жизнь, когда мы много чего наколосорезили... Легко потому, что от крови удержались и народ по параднякам не валили. Бог упас от душегубства, хотя вокруг такая резня стояла! Трудно было в крови не запачкаться... А вот пронесло. И я очень хорошо помню, как еще до посадки собрал всех своих и стал объяснять, что надо жить мирно и что убивать мы не будем... До тех пор, пока не убьют кого-нибудь из нас...

В этот момент под сводами зала грянула песня «Каким ты был, таким ты и остался». Денис, улыбаясь, стал подтягивать. К нему присоединились остальные гости. Юнгеров вздохнул и сказал тихонько – не то чтобы таясь, а просто не во весь голос:

– Я, Дениска, помню, как ты после того моего выступления пришел ко мне и сказал: «Спасибо, Александр Сергеевич!» Я: «За что?» А ты: «А за то, что мы вроде как мирные люди и все такое... Ведь в случае чего валить-то бы мне пришлось. Спасибо. Но вы не сомневайтесь – если надо, я сделаю... если очень надо...» Спасибо тебе, Дениска... Я тогда и тебе, и себе пообещал: хорош, давайте начинать жить по-людски! Я обещаю тебе, Денис, мы не будем больше ронять стенки. Мы найдем, купим, воспитаем специалистов, которые нам культурно этак откроют дверь. А за дверью будет накрытый стол, где нам не будут тыкать в харю нашим прошлым... Хотя, конечно, сколько волка ни корми, а шакалы все равно найдутся!

<sup>7</sup> На улице Лебедева расположен изолятор предварительного заключения, называемый также «женским» и «детским». Но в него попадают и взрослые мужчины – при наличии связей, так как условия содержания там считаются лучше, чем в «Крестах». По многочисленным свидетельствам, те, кто сидел там из «взрослых» в середине 90-х, практически беспрепятственно общались с волей – некоторые даже и за ворота выходили.

– Не! – закричал сидевший напротив Евгений Шохин, гендиректор одной очень известной питерской фирмы, некогда носивший псевдоним Женя Маленький. – Лучше так: сколько волка ни корми, а у медведя все равно толще!

Стол грохнул хохотом, и Юнгеров пошел к Жене, по дороге наваливая всем подряд на тарелки всякую снедь горстями и – наливая, наливая, наливая... ему было хорошо, его несло:

– На юбилеях принято много слов хороших говорить юбиляру, как о покойнике, – либо хорошее, либо ничего. Но я-то еще жив! И поэтому говорю я сам, и говорю правду, и она мне нравится!

Наконец он добрался до Шохина, тот вскочил, чокнулся с Юнгеровым и, перед тем как опрокинуть в себя граммов сто (долларов на двести), крикнул:

– Гвардия выпивает, но не сопьется!

Стол согласно ухнул в ответ. Александр Сергеевич обнял Шохина:

– За тебя, Женя, за мою гвардию! Пару слов, маэстро...

Музыку кто-то притушил, и голос Юнкерса разлетелся по залу:

– Женя – это отдельная история... Он присоединился к нам в самую лихую годину – почти все сели... В общем – прижали нас к реке и накрыли пулеметами. Вокруг Антанта, Мурманск сдан, хозяйство трещит и начинает рушиться... Вот тогда Женя и появился, как черт из табакерки, говорит – хочу с вами, вы – правильные, я лучше с умными потеряю... И коллектив свой небольшой привел... Мы даже сначала, грешным делом, решили, что прокладка<sup>8</sup> чья-то... Так ведь не бывает... Ан бывает! Ты выиграл, Женя! Он, кстати, настоящий предприниматель, Божьей милостью. У него всегда порядок, как в операционной. Дайте ему и его людям Дрезден в руинах после американской бомбежки – и он сделает из него место экскурсионного обслуживания! Сердце воина, ум бухгалтера! Он всегда мне вместе с деньгами приносил отчеты, я злился: «Какого черта, если я вам перестану доверять, то все – приплыли!» А он все равно приносил, потому как порядок есть порядок! Обратили внимание, какие универсамы в городе стали? Это его заслуга! Я ведь могу только завоевывать новое пространство, а его еще нужно осваивать и обживать... Кто-то, может, считает, что осваивать и обживать – это женская функция... Я вам сейчас расскажу про эту «женщину»! Порезали как-то нашего парня... Давно это было... Хочется сказать – так давно, что мне это рассказывал мой дед, а ему – его дед, а тот слышал это от самого Чингиза! Да... Приехал Женя с этой темой к нам в тюрьму, мы сидим, обсуждаем – трем... А Женя молчит, молчит... Он и тогда выглядел, как богатый английский физик. Однажды его даже с принцем Чарльзом перепутали... И вот сидит этот «принц» и говорит: «А чего гонять-то, эти уроды в „Астории“ часто сидят, ну, я захожу в кафе и спрашиваю их старшего в лоб, берет ли он на себя ответственность за ту резню. Если он отвечает, что берет, я бью его в башню железом, а там посмотрим, как оно сложится!» А?! Каков!! Женя, я целую твое сердце! Я так рад, что ты остался несудимым – с твоим-то характером!

Над столом дрожал воздух. Кто-то запел «Там вдали за рекой». Подхватили хором – и получилось очень душевно, как на студенческих посиделках. Гости уже ели по-семейному, плюнув на манеры и этикет. Кто-то вкусно облизывал пальцы, причем не себе, а соседке, кто-то радовался, что горячий бараний жир стекает с подбородка прямо на итальянский шелковый галстук ручной работы. При этом – странное дело – никто не становился похож на загулявшее новорусское быдло.

Между тем Юнгеров поймал взгляд симпатичной тридцатипятилетней дамы в смелом декольте – а демонстрировать ей было что. Явно будучи уже навеселе, она хулигански провела язычком по верхней губе, глядя Юнкерсу прямо в глаза. Александр Сергеевич ринулся

---

<sup>8</sup> Прокладка – на бандитско-милицейском сленге – агент, «засланный казачок» и т. д.

к ней, схватил рукой за шею, запустил пятерню в густые золотистые локоны и поцеловал крепко. В этой крепости, однако, было не очень много эротики, скорее больше ощущалась благодарность к бывшей страсти – уже погасшей. Почти.

– А вот Лариса... Она... Когда-то, когда еще на бензоколонках не хватало бензина, мы лихо подъехали к заправке, где она работала королевой. И я увидел в окошечке красивую женщину, которая плакала и от этого была еще красивее... Выяснилось, что и до этой бензоколонки, у самого Смольного расположенной, бандюги добрались, А мы тогда очень не любили бандитов, потому что сами были ими... Денис и его люди сумели уладить вопрос без стрельбы... Помнишь, Денис, ты ворвался в какой-то офис и ногой пробил «одиннадцатиметровый» прямо в голову какому-то уроду?

Денис заломил бровь, вспоминая, и неуверенно спросил:

– Это, кажется, на Рубинштейна было?

Юнкерс пожал плечами, продолжая смотреть Ларисе в глаза:

– ...Так пох... Бог с ними, с бандитами этими. Я о другом. Когда меня с Лебедева дернули в лагерь на этап – я, сидя на корточках, вдруг увидел, как ты, Лариса, стоишь на перроне – на грязном, заплеванном перроне, – плачешь и крестишь меня... Крестила, по-моему, наоборот, неправильно, но какая разница, листва все это... И вот ты тогда на перроне – а я не ждал, не знал... В общем, и это тоже дало мне силы выжить. И я рад, что ты есть, что ты здесь, рад всему, что было...

У Ларисы, ныне директрисы очень крупного модного магазина, глаза набухли слезами. Они с Юнгеровым никогда не клялись друг другу в верности и... В общем, отчасти и ее сексуальные похождения за время отсидки Юнкерса (а ему, конечно же, рассказали) решили судьбу бурного некогда романа. Но – только отчасти. На самом деле Александр Сергеевич ни с одной женщиной вместе долго не выдерживал – даже с самой-самой. Он эту свою черту знал и, когда она проявлялась, чувствовал комплекс вины, раздражался, причем раздражение выплескивалось именно на ту, которая в данный момент находилась рядом...

Лариса хорошо понимала Юнгера, иллюзий никогда не строила, может быть поэтому и спала легко с другими мужиками, пока он сидел. Слова, публично произнесенные Александром Сергеевичем, значили для нее очень много – это было словно прилюдное объяснение в любви, словно возведение ее в некий особый статус. Почти что в статус бывшей жены. Кстати, Лариса была замужем – все время знакомства с Юнгером. Разводиться она не собиралась, ее муж, шофер-дальнобойщик, был хорошим человеком и очень любил сына. Ну и жену, конечно, тоже. Нет, жену он почти боготворил. Юнкерс еще раз посмотрел Ларисе в глаза – и в этом взгляде было столько всего, что сидевшие рядом даже притихли. Александр Сергеевич постарался улыбнуться:

– Мы, Ларисон, недавно с тобой поругались крепко на одну производственную тему... Подраспустила ты девиц в своем магазине – им из-за маникюра уже некогда клиентами заниматься... И будем ругаться еще... Но... То, что я сказал до этого, – главное. Оно перевесит все. Спасибо тебе.

– А может, я до сих пор по ночам в подушку плачу? – не без вызова, полушутя-полусерьезно потрянула волосами Лариса. Заодно и грудями атмосферу всколыхнула – мужики же вокруг были не слепыми.

– Нужен я тебе! – попробовал отшутиться Александр Сергеевич. – Вокруг молодые ухажеры... Ты ж в цвету вся!

– Дурак ты! А я... я тоже рада всему!

– Ну и ладушки, ну и мир... Свои же люди! Да, чтоб ты рожи не корчила, скажу: если б ты тогда на перроне на коленях стояла – не поверил бы в искренность.

– Это почему?

– В восторженность не верю.

– Ну и дурак!

– Дурак не дурак... Лариса, ты всегда для меня останешься особенной. Только с тобой можно было нарушать все заповеди Божьи одним махом! А помнишь, как в мастерской у художника... Ты напилась тогда и, голая, танцевала под «Вологду». Я с тех пор эту эротическую песню спокойно слушать не могу! «Девять с половиной недель» погулять вышли.

– Спасибо тебе, Санечка, хороший мой.

Чтобы не заплакать, Ларисе пришлось залпом выпить полфужера крепкой граппы – она перебила грусть.

А Юнгеров уже ухватил за щеки бывшего своего одноклассника Вадима Колесова:

– Вадик, дружище Ва-а-дик! Чего притих – обожрешься! Вадик – наш капиталист. Не барыга, не делец – капиталист. Ходячий капитал. Если пропустить графики и диаграммы, то увидим его суть. А суть такая: когда меня этапировали в уральские леса, через пару месяцев на Урал прибыл и Вадик! Он тогда еще такими деньжищами, как сейчас, не ворочал, но в пищевой промышленности вес уже имел солидный. Так вот: приехал Вадик на Урал, ходил по колено в говне и по горло в проблемах, но... Местные пищевики популярно объяснили местному ГУЛАГУ, что будет, если в лагеря, например, перестанут поставлять в долг подсолнечное масло и крупу. В итоге меня резко перестали трогать, согласно каким-то там (а на самом деле я очень хорошо знаю – согласно каким) указаниям. Сначала трогать перестали, потом перестали обращать внимание... Из уха в ухо передавали: «Не трожь Юнгера, а то на Урал снова страшный Вадик приедет – как комиссар». Милый ты мой, я ведь знаю, я очень хорошо понимаю, каких это тебе нервов и сил стоило... Потом, помнишь, у тебя еще документы украли, и ты с такими матюками до Питера добирался! Эх! Дорогой ты мой теоретик капиталистической законности...

– Чего уж там, – шмыгнул носом в громадную хрустальную пивную кружку польщенный Колесов. – Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!

– Твоя правда, дружище! Мы же с Вадиком двоечниками на одной парте с первого по десятый... А это дорогого стоит... В десятом мы мечтали о сигаретах «Антарктида» – они были с жутким таким белым фильтром, и ввиду полной неприемлемости цены казались нам верхом шика... Все было: педсоветы, двор, салюты и драки на них... Потом – вихрь перемен, первые ларьки, ушел госстрах, пришел братаноужас. Мы не думали – не успевали, дрались за жизнь и помогали друг другу, и все понимали, как легко не дожить, и поэтому не говорили об этом... И мы дожили. Дожили! Теперь вон там, у окошечка, стоит специальный короб, в котором поддерживается определенная температура и влажность. В этом коробе – сигары со всех концов света. Скатанные вручную, между прочим. Проблема в том, Вадим, что мы с тобой их не любим и не курим. И «Антарктида»-то наша – она была повкуснее.

– Сто пудов! – согласился Вадим и тут же вынул из кармана пиджака кожаную книжку с золотым обрезом, что-то черкнул в ней. – Я дам задание – найти «Антарктиду»... ящик – и привезти.

– По рукам!

С другого конца стола Денис, краем уха услышавший что-то про Антарктиду, крикнул:

– Если к пингвинам надумали – меня не забудьте!

– Тебя забудешь, как же... Себе дороже.

Между тем гости начали уже и местами меняться, и кучковаться по интересам – Крылов, тот присоседился к Ларисе и замороженно смотрел на ее шею, чтобы не упираться взглядом в грудь, а та в ответ кокетливо поводила плечами – да, мол, между прочим, очень даже и...

А хозяин имения все говорил и говорил. Но говорил складно, грубо, но романтично. Его слушали с человеческими улыбками. Он тронул всех: и сотрудника ФСБ, который сначала стеснялся больше всех, а потом (через триста граммов) перешел на мат и уже на нем

только и изъяснялся, причем никому это слух не резало; и директора небольшого магазина, который много лет назад оказал Юнгеру такую услугу, что... черт возьми... и сказал, что за это ему ничего не надо; и своего тренера, который когда-то вытащил пацаненка Сашу с набережной и начал учить азам жизни, которого – единственного на свете, Александр Сергеевич называл ШЕФОМ; и водителя, который всегда молчал, а если уж что происходило, говорил: «Дела!» – что равнялось длинной нобелевской речи (этот водитель был когда-то танкистом, во время войны в Приднестровье подбил что-то не то, и его объявили в розыск как преступника. Юнгер его принял и спрятал и верил в него, как в Луну, – в том смысле, что она никогда никуда не денется с неба); и еще очень-очень многих...

Отдельные слова Юнгер захотел сказать о сидевшей очень тихо и скромно следователе прокуратуры Ольге. Впрочем, тихо и скромно она сидела недолго – аккуратно до тоста Юнгера:

– Прошу тишины!

Зал смолк, взгляды скрестились на уже чуть покачивающемся Юнгере, который – немыслимое дело – вдруг изящно изогнулся и поцеловал руку следователю.

– О как! – оценил жест сидевший рядом с Ольгой черноволосый парень, в котором гости (некоторые с удивлением) узнали известного питерского журналиста Андрея Обнорского.

– А ты, Андрюха, думал небось, что так только ты умеешь? Ладно, сейчас не о тебе, сейчас об Оленьке... Джентльменов не прошу встать только потому, что некоторые уже того... подустали... Так вот. Ольга. За этот «праздник» я плачу отдельно. Ты, Оленька, не обижайся... Мы познакомились, когда она в свою районную прокуратуру решила меня вызвать свидетелем по какому-то там делу. Я, конечно, посмеялся и отмахнулся – времени нет свидетелем ходить и все такое. Но она меня достала. Меня! Дело дошло почти до привода с милицией. Меня! А вопрос-то какой-то говенный был – знаком ли был я с неким убиенным, которого я на самом деле последний раз видел лет за семь до того, как его, неугомонного, к облегчению многих повзрослевших людей, застрелили два его же дольщика. И дело-то раскрыли быстро. Но Ольга Дмитриевна допросила полгорода. Всех достала – ей исчерпывающая картина нужна была. Это я потом узнал. А тогда, когда я злющий-презлющий к ней в кабинетик ввалился, решил, что это меня, так сказать, персонально власть снова повоспитывать решила. И с порога ей: «Деточка, может, я тебе просто нравлюсь и ты так вот познаться со мной хочешь? Так скажи прямо, я люблю, когда тетеньки в форме...» А она мне: «Если вы считаете, что мне нравятся богатые жлобы, то напрасно. Берите стул, садитесь. Фамилия, имя, отчество, год и месяц рождения!» Я аж рот раскрыл. Вот так, слово за слово, и подружились. И когда я ее о чем-нибудь прошу, а прошу частенько, то чувю, как Оля встает на лыжню. Она же мастер спорта, лыжи, дальние дистанции. Ее можно попросить и забыть. Она до цели дойдет. Я уже вспоминал «Остров сокровищ», помните, Сильвер жути нагонял: «Все боялись Флинта. Все боялись. А Флинт – боялся меня». Так вот – я боюсь Олю. Как-то раз она решила, что я – неправ. Так вот: ногой была выбита дверь, за которой я лежал в постели с женщиной. Страшно подумать, что бы получил кто угодно, кроме нее, за подобный фортель. А тут я просто смотрел в потолок, слушал ее ор и улыбался, радуясь, что жизнь устроена так интересно.

– Идиот! – фыркнула, все выдержав, в бокал с вином следователь Оля, чем полностью подтвердила все вышесказанное.

– У-у, вы какая! – умильно взглянул на соседку журналист Обнорский, уже хорошенький от своего любимого джина. – А с виду – так очень даже скромная, тургеневская, я бы сказал, дама... Между прочим, я в журналистике в основном криминальное направление осваиваю и... И мне тоже очень нравятся красивые тетеньки в форме. Особенно в прокурорской. Я...

– Да подождите же вы, святой отец! – прервал Юнгеров этот «заезд по ушам». – Погоди, Андрюха, к Ольге приставать, дай про тебя скажу. Тебя, конечно, и так все знают.

– Знаем, знаем! – с разными интонациями закричали с разных концов стола. Обнорский по-брежневски помахал рукой, вздыхая с напускной скромностью, адресованной явно той же Ольге: дескать, да, известен, да, популярен, – но, Боже, как же я устал от этой славы...

Юнгеров хмыкнул:

– Знаете, да не все! Многие в городе голову ломали – почему это у Юнкерса такие отношения с Обнорским странные, – этот журналист про него такого-сякого в своем «Бандитском Петербурге» понаписал, а они при встречах ржут и обнимаются... А мы с Андреем вместе борьбой занимались. Он помладше меня года на три, но... В общем, был случай. Были мы на югах, на сборах спортивных. Андрюха тогда еще только в десятый класс перешел. Тренеры куда-то разъехались, ну и мы, старшие, решили винцом домашним разжиться, расслабиться чуток. Кинули жребий – идти мне выпало в горную абхазскую деревушку. А одному – скучно, вот я и молодого прихватил – Андрюху, стало быть. Взяли три трехлитровые банки. А до деревеньки-то километров семь с гаком, это если не по шоссе, а по горным тропинкам. Ну и на обратном пути оступился я, банку с вином разбил, ногу вывихнул, да еще огромный кусок стекла себе в ступню засадить умудрился. Так Андрюха его руками вытащил, ногу мне майкой своей перетянул и километра три меня на закорках пер. И две свои банки с вином! А сам-то худенький тогда был, как подо мной не сдох – до сих пор не понимаю! Как у меня шрам на ноге зачесется – так, Андрюха, тебя вспоминаю. Вот он, шрам-то!

И Юнгеров, сорвав с правой стопы ботинок и носок, легко задрал ногу и, вращаясь на одном каблуке, продемонстрировал собравшимся длинный толстый шрам на ступне.

– Bravo! – закричала Светлана Шереметьева, балерина, известная не только в Питере, но и во всем мире. Было непонятно к чему относился ее возглас, – то ли к героическому поступку молодого Обнорского, то ли к способности Юнкерса крутиться на одной ноге.

– То-то и оно, что «браво», – согласился с ней Юнгеров, ловко надевая обратно носок и ботинок. – Ну, потом наши дорожки немного разошлись... А когда Андрюха из своих странствий по Ближнему Востоку вернулся – я же его к себе в коллектив звал. Помнишь?

– Помню, – хмыкнул Обнорский. – Обещал мне, что я через пару месяцев на «Мерседесе» ездить буду!

– И ездил бы! – убежденно кивнул Александр Сергеевич. – Если бы согласился... Сел бы потом с нами, как человек, потом бы по-человечески вышел... Но – не согласился. Сказал: «Я в последний раз хочу попробовать по-честному!» Ну и... Нашел себе приключений на жопу. Мимо лагеря все равно не проскочил, но и сел не по-людски, вообще ни за что, потом откинулся не по-людски – с полной оправдаловкой и горячими извинениями от властей<sup>9</sup>. Ну а итог вы все видите. Популярность и все такое... Кстати, он в своем «Бандитском Петербурге» обо мне почти ничего и не переврал. Более того, почти четверть из того, что там есть, я же ему и рассказывал. Больше, конечно, не о себе... Так, надеялся втайне, что своего источника-то он расписывать не будет. Расписал. Придраться не к чему – он своих намерений не скрывал, а мне в то время все по барабану было. Теперь-то мне, конечно, такой «пиарчик», мягко говоря... Но из песни слов не выкинешь, что было, то было.

– Это все уже история, – засмеялся Обнорский. – Ее исправлять – дело безнадежное. Мы все помрем, а истории наши потомкам достанутся.

– Во! – потянулся к нему с рюмкой Юнгеров. – Давай, чтобы наша история была долгой-долгой... Чтoб еще успели выправить то, что в молодости накосячили...

---

<sup>9</sup> История приключений журналиста Обнорского изложена в книгах «Адвокат», «Журналист», «Сочинитель» и т. д. Обстоятельствам же его посадки и последующего оправдания посвящена книга «Арестант».

...Всем было уютно и хорошо. Для большинства многое услышанное о соседях по столу было в новинку, но в новинку приятную. Пошли братание и перебирание общих знакомых...

...Юнгеров, уже изрядно покачиваясь, добрался до самого конца стола – там сидел Егор Якушев, молодой парень, закончивший юрфак. Егор еще не успел ничем особенным отличаться, но он старался, и глаза его горели. Александр Сергеевич относился к нему как к сыну, потому что был в свое время очень близок с его покойным отцом. Юнкерс потрепал мальчонку по жестким русым вихрам, заглянул в серые серьезные глаза, нажал большим пальцем на кончик тонкого, с легкой горбинкой носа:

– Бип! Барин дома?

– Дома! – откликнулся на старую игру Егор.

– Бип! Гармонь готова?!

– Готова!

– Бип! А поиграть можно?

– Можно!

Юнгеров схватил парня за уши и начал легонько подергивать их в стороны, словно гармонь:

– Трам-даридам-дидари-дари! Эх, Егор Валерьевич, уверен, что пройдет время, и смогу я о тебе вот так же сказать: «Вот человек из эпоса! Он ошибался, но рисковал! Он строил наш храм! А храм наш будет с крестами... Мы же с тобой одни фильмы любим! Ты же свой?!»

– Свой, – чуть суховаато ответил Егор, но суховатость эта объяснялась чуть пересохшим от волнения горлом. Егор почти единственный из присутствовавших практически не пил ничего спиртного – его пьянила атмосфера.

Отец Егора – известный в прошлом спортсмен Валерий Якушев по прозвищу Волга, был застрелен первым в той большой пальбе, которая началась в Питере в 1991 году. Волга был в коллективе Юнкерса, и не на вторых ролях. Как-то раз они вдвоем отобрали у «челнинских»<sup>10</sup> машину, которую те отняли у их кооператора. А потом на проблемную по этому поводу «стрелку» Волга поехал один. Он был очень дерзким. Как ни странно, его собеседник тоже приехал один. Ну и Волга слегка перебрал со своими вечными издевками. Когда собеседник почесал грудь под курткой, Волга подколот его: «У тебя что, сердечко, что ты за грудь-то держишься?!» Визави молча вынул наган, мол, – не сердечко. Волга перешел на нажим: «Раз плетку достал – так стегай!» Это было сказано высокомерно, потому что безоружный Волга хотел эмоционально переломить ситуацию в свою пользу. Но переломить не получилось – парень молча выстрелил. Возможно, он потом, здраво рассудив, и пожалел об этом, но тогда спокойно выстрелил. Волга погиб. Парня не нашли – тогда еще плохо умели искать. Через год его расстреляли у автостоянки. Это сделал не Юнгеров, но все подумали на него. А он еще специально отнекивался таким образом, чтобы утвердить мнение некоторых жуликов и оперативников. В те времена молва о способности убивать давала опасные, но козыри... Волга не был Юнкерсу таким уж другом. Но он был в рядах первых, и у него первого кончилась жизнь. Юнгеров считал, что по Божеским законам – он должен Волге, и поэтому всем помогал семье погибшего. Хотя настоящей-то семьи у Волги не было – была женщина, родившая ему сына, для которого он все не мог найти время, чтобы оформить отцовство. Это обстоятельство, кстати, оставило будущую биографию Егора «чистой» – для поступления в некоторые учреждения лучше быть безотцовщиной, чем сыном погибшего бандита, фигурировавшего в разных системах учетов...

---

<sup>10</sup> «Челнинские» – небольшая группировка, лидеры которой происходили из Набережных Челнов.

Юнгеров полюбил Егора и к его совершеннолетию сумел сделать так, чтобы парень смог жить под фамилией отца, – благо, что она была не самой редкой. Егор этого очень хотел, и это стало для него лучшим подарком. А Юнгерову с недавних пор стало казаться, что Волга был его настоящим другом, таким, какого уже больше никогда не будет, и что в тот день они должны были ехать на ту стрелку вместе. Александр Сергеевич забыл, как Волга сам в тот вечер легко сказал: «Поеду один, поступим от противного. На одного они руку не поднимут». И Юнгеров тогда легко с этим согласился, потому что ему тоже надо было успеть еще на две «стрелы». Живой и неуживчивый Волга превратился в легенду, а память о легенде священна.

Из невеселых воспоминаний Александра Сергеевича вырвала какая-то суэта у входа. Он оторвался от чутко притихшего Егора и вышел на середину зала, несколько раз хлопнув в ладоши. Не сразу, но стало тихо. Юнгеров, как опытный конференсье, выдержал паузу, а потом сказал:

– Можно я всех немножко шокирую? Сейчас сюда приведут человека, который не хотел приходить, но его привезли специально обученные люди. Он думает, что я хочу ему зла. Это не так. Я никого не хочу унижить. Прошу досмотреть наш разговор до конца.

Под перешептывание заинтригованных гостей на середину зала вышел чуть подталкиваемый охранником Юнгерева плотный человек лет сорока пяти. Ему было явно неудобно, он был зол и смущен.

Александр Сергеевич сделал жест рукой:

– Прошу! Это бывший старший оперуполномоченный по особо важным делам. Андрей, если не ошибаюсь, Евгеньевич, Выюгин. Когда-то именно он, и сейчас уже совсем не важно – почему, засадил нас в тюрьму. Я бы не сказал, что он блистательно доказал что-то, скорее, нашел кое-что... Сели мы совсем по иной причине, и не он принимал решение на посадку. Но он не совершил ни одного незаконного действия, ни одной низости. Нам ничего не подбрасывали. Он был спокоен, строг и вежлив. Я давно уже посмотрел все оперативные материалы того времени, переговорил с операми, которые ему помогали, все выяснил, в том числе – и кто на нас стучал. Своих там не было, это главное, а вода ушла вся. И сегодня я говорю тебе – спасибо, Андрей. Ты не хотел нам добра, но, причиняя в какой-то мере зло, – всех нас спас. Мы с тобой ни разу по-настоящему, по-человечески не разговаривали, поэтому ты, наверное, удивлен. Но ты нас спас, в том числе и от самих себя. Мы сели в девяносто втором году. Всем все ясно? Помните ту бойню, которая, начавшись в 1991-м, заканчиваться начала только году в девяносто шестом? Все стреляли во всех... И если бы мы не сели, то нас бы уже либо закопали на «аллеях героев», либо мы сами... в крови перемазались бы, да в ней же потом и растворились, утопили бы свои человеческие сущности и превратились бы в вурдалаков. От всего этого нас уберегли тюремные стены. Андрей, я искренне приношу извинения за потраченные тобой сегодня нервы. Я не приглашаю тебя за этот стол – это было бы неправильно. И если бы ты согласился сесть за этот стол – это было бы неправильно вдвойне. Я при всех говорю тебе: спасибо. Я знаю, что у тебя не все в порядке со здоровьем близких тебе людей, – и постарался помочь тебе в этой проблеме. Врачи сами на вас выйдут. Платить им не надо. Прошу тебя – если сможешь, не сейчас, а когда тебя с уважением повезут обратно в город – прими мой подарок. Не обижай нашу молодость. Не ищи в моих словах ничего, кроме того что я сказал. Спасибо, что дослушал. Все.

Бывший опер обвел зал колючим взглядом, катнул желваками и, так и не сказав ни единого слова, быстрыми шагами вышел прочь. Его очень корректно довели до лимузина, усадили, по дороге объяснив, что если он просто кивнет, то от него ничего не нужно, даже паспорта, а в Питере уже будет ждать его новенькая черная «Волга», оформленная на его

имя, застрахованная, украшенная тюнингом и блатными номерами. Для того чтобы взять ее, не требовалось рисковать или совершать какой-то поступок.

Садясь в лимузин, бывший опер все так же молча кивнул и со странным выражением на лице оглянулся на чудовищный дом. Ему вдруг захотелось вусмерть нажраться, и его взяла тоска из-за того, что он вдруг отчетливо понял – больше никогда в жизни он не попадет на такой вот банкет, пусть даже и в странном статусе «краткосрочного» гостя. Все было предусмотрено – в лимузине был бар, и Андрей Евгеньевич, бывший опер, а ныне сотрудник частной охранной фирмы, тяжело пил всю дорогу до Питера, щуря в окно глаза...

А тем временем в «кухоньке» Юнгеров извинялся перед гостями:

– Простите мне, дорогие мои, эту выходку... Вывернул я на вас свое подсознание... Да... Ну, раз уж вы все это вытерпели, то предлагаю наконец-то нажраться в жопу! Пардон-с, в... Ну, в общем, все всё поняли. Сорок лет есть сорок лет. Имеем право погудеть. Похмелология утром гарантирована.

Собственно говоря, гостей уже и особо уговаривать не требовалось. Вдохнул с грустью лишь чекист, непонятно когда успевший перебраться под бочок к балерине Светлане Шереметьевой:

– Да-а, вы, я смотрю, по-серьезному тут все настроились... А мне завтра, в девять тридцать, в Большой дом на службу государеву...

– Момент! – Юнгеров успокаивающе выставил вперед ладонь, другой рукой извлекая из кармана мобильный телефон и по памяти, на ощупь, набирая номер. – Але, Василич... Это я... Да спасибо, спасибо, ты же поздравлял уже... Да... Слушай, у меня к тебе просьба. У меня тут ротмистр Лагин... Нет, как раз еще сидит и вполне огурцом... Да... Но хочет нажраться вместе со всеми и немножко покрушить незаконно нажитое. Слушай, сделай мне подарок – поставь ему отгул за прогул. Люблю я его. Ладно. Спасибо. Обнимаю тебя.

С видом фокусника, у которого получился трюк, Александр Сергеевич отвел от уха трубку и проинформировал Лагина:

– Ну что, товарищ майор! Теперь права не имеешь отказаться! Начальник твоей службы приказал, чтоб в дрова и с битьем посуды.

– Сделаем! – невозмутимо пообещал майор Лагин, наливая себе коньяку в фужер для шампанского. – Это дело мы любим, умеем... Двери, там, вышибать, хозяев пугать...

И – понеслось. Кстати, как это ни странно, майор ФСБ Лагин оказался, по-видимому, единственным, кто как раз ничего и не разбил, – может быть, благодаря опеке балерины Шереметьевой. Когда майор опрокинул в себя фужер, ему почему-то захотелось рассказать Светлане, что литературное мероприятие по врезанию микрофонов через пол соседей к фигуранту называется тоже «Светланой».

– А почему? – округляя глаза, спросила прима.

– А хрен его знает, – честно ответил чекист, – хорошо еще, что не «Никодим».

– Угу, – глубокомысленно кивнула уже сильно «вдетая» балерина, переварила услышанное и сделала неожиданный, прямо скажем, вывод: – Так вы подводник?

Контрразведчик некоторое время, пытаясь сконцентрироваться, молча смотрел артистке в глаза и ответил на всякий случай по комитетовской привычке уклончиво:

– Офицер флота никогда не будет приставать к женщине до тех пор, пока ясно не поймет, что она сама этого хочет!

– М-м-м, как интересно! – вздернула брови Светлана. – А хотите, я вам покажу зимний сад?

Лагин, покачиваясь, встал:

– Боюсь, что да!

И помог встать Шереметьевой, имя которой почему-то забыл. Ему пришлось обходиться обезличенными обращениями:

– Э-э-э... Барышня-красавица! А знаете, какая красотища в иллюминаторах во время срочного погружения? Один раз я ка-ак увидел... рыбу!

– Да что вы! – прижала руку ко рту балерина. – Немедленно расскажите!

И потащила майора на второй этаж, в сторону, прямо противоположную зимнему саду. Их тихому выходу практически не помешал Вадим Колесов, который с двухсотдолларовой сигарой во рту умудрился лбом вдребезги разбить стеклянную дверь.

Юнгеров заорал в восторге:

– Ай, молодца Вадик! Это серьезно, это полторы штуки долларов! Ой, порадовал! Все за счет заведения!

И, пародируя Олега Табакова в фильме «Человек с бульвара Капуцинов», добавил:

– «Это серьезно, Билл, это очень серьезно!»<sup>11</sup>

А разгул набирал обороты. Лариса, обнимая за талию Крылова, мотала головой от его очередной «военной истории»:

– ...И тут, Ларисон, я со всего размаху ка-ак уебался!

Лариса втолковывала ему свое:

– Полковник, это все хуйня, ты пойми, женщину ведь тоже довести можно, особенно если без желания к ней.

– М-м-можно, – согласился Крылов, слизывая икринки, упавшие в декольте Ларисы. – Но ты послушай...

Обнорский с Женей начали играть в «коробок» на раздевание, причем предупредили, что при любом результате раздеваться они заставят следователя прокуратуры Ольгу. Ольга хохотала и ловила рукой коробок... Денис вызвонил свою девушку – приехали четыре, и все такие – ВАУ! Других-то, собственно, и не ждали. Вновь прибывшим налили штрафные, и особо буйные поехали с ними кататься на снегоходах. Разумеется, где-то через километр все вошли в один и тот же сугроб. К ним была отправлена спасательная экспедиция. Водитель Юнгеров молча доставил всех обратно живыми и невредимыми. Он даже не сказал «Дела!» – хотя две девицы уже были без бюстгалтеров. Потом приехало варьете в костюмах Снегурочек (все ж таки Новый год, хотя и старый, о котором все как-то подзабыли в суете), но их канкан перешибла своим балерина Шереметьева, уже вернувшаяся к тому времени со второго этажа в колготках другого цвета и без одной сережки. Потом один искусствовед из Эрмитажа (доктор наук, между прочим) плясал на бис гопака в рыцарских доспехах – в домике Юнгеровых этих рыцарей было несколько, дань прошлой моде, все на них постоянно натывались. Потом хором пели казачьи песни. Потом мастер спорта по лыжам и следователь прокуратуры Оля все-таки сломалась под словесным поносом Обнорского и стала исполнять стриптиз, но почему-то в режиме чечетки. Известный режиссер и профессор-математик боролись на руках, причем математик громко матерился, но почему-то только на английском и французском. Режиссер во время поединка заснул.

...В минуту просветления Юнгеров вдруг осознал, что сидит в обнимку с вазой, полной черной икры. При этом он светски беседовал с Федором Степановичем Бессчастных, профессором Первого медицинского института и ныне наимоднейшим в Питере диетологом. Александр Сергеевич брезгливо тыкал в икру ложкой и излагал свой взгляд на диеты и раздельное питание:

– ...Меня, когда на первое свидание трехсуточное в лагере вызвали, – первая мысль: поем! А на столе в комнате свиданий – три рюкзака со всем-всем. Я поковырялся в них и ужаснулся: не хочу! Прошло полдня, я – снова к еде и снова – не очень! Твою мать! И вдруг понимаю, что хочу лагерного пустого горохового супа с крупно порезанной картошкой! Хотя

---

<sup>11</sup> Олег Табаков в этом фильме играет хозяина салуна, в котором происходит ковбойская драка, снятая просто феноменально для советского кинематографа.

ты тресни... И до сих пор того супа хочу, да разве такой сварить... А это все, что на столе стоит, – это не еда. Это – тема для социологов: «Что нужно держать у себя в холодильнике, чтобы ощущать свою принадлежность к классу угнетателей».

Юнкерс вздохнул со всхлипом, бухнул ложку черной икры в бокал с вином, перемешал, выпил и скривился:

– Господи, хуйня какая!

– Очень верное замечание, батенька! – согласился с ним профессор. – Я вам так скажу: я вот срочную на Балтийском флоте... Так вот: макароны пофлотски – самая здоровая пища. Но – настоящие. Их надо есть после четырех часов качки в море. Потом – блевать. Это очень полезно.

– Блевать?

– Блевать, сударь мой, непременно блевать! Сейчас этого многие недооценивают... И еще – селедка! Очень серьезный продукт. Еще викинги... Да можно пример и из более близкой истории привести: вы знаете, что комендант Шлиссельбургской крепости кормил заключенных народовольцев селедкой каждый день?

– Во зверь! – ужаснулся Юнгеров. – Сатрап какой...

– Напротив, батенька! – торжествуя воздел указательный палец вверх профессор-диетолог. – В селедке – все витамины и другие очень полезные организму соединения. Узники выходили из заключения просто гвардейцами: волосок к волоску, с румянцем на щеках и с крепкими зубами!

– Угу, – сказал Александр Сергеевич, переваривая информацию. – Действительно. Тогда я сейчас селедочки нам найду, раз такое дело...

Найти селедку ему помешала вырвавшая откуда-то Лариса – довольная и раскрасневшаяся:

– Юнгеров, ты меня хорошо знаешь?!

– Надеюсь, – опасливо ответил Александр Сергеевич.

– Тогда... Такое дело, Саш... Мы бы хотели с твоим начальником уголовного розыска где-нибудь выпить... Вдвоем.

Юнкерс хмыкнул понимающе:

– Выпить – хоть тони... Если завтра стыдно не будет – значит, не утонула.

– Ну-у, Саш...

– Ладно, ладно... Второй этаж, комната с сиреновой ванной. Ты же сибаритка.

– Спасибо, любимый! Мне ведь тоже надо как-то мстить тебе за твоих баб!

– О как! А сейчас разве в этом дело?

Лариса отвела глаза и вздохнула:

– Саша, он – настоящий полковник!

Юнкерс погладил ее по голове:

– Я рад, если вам с Крыловым хорошо. Честно. Только раз уж так все складывается – не сводите все к одному блядству. Вы достойны друг друга...

Лариса ушла искать своего настоящего полковника, бросив на прощание загадочную фразу: «Если что – ты знаешь, где нас найти».

И вот уже после этого Александр Сергеевич нажрался наконец-то до полной отключки памяти. Ему ничего не снилось, только под утро, перед самым пробуждением, выплыло откуда-то лицо Егора Якушева. Юнкерс даже во сне удивился – Егор никогда в жизни ему не снился. Волга – да, бывало, а вот Егор – никогда...

...Пробуждение было трудным. Открыв глаза, Юнкерс нашел себя в громадной кадке вокруг пальмы в зимнем саду. Рядом на кремовом рояле спал Обнорский – почему-то босой, но с женской туфлей в одной руке. Туфля, судя по всему, принадлежала следователю Оле.

– Дела, – сказал Александр Сергеевич и сам испугался своего голоса. Он откашлялся, собрался с силами и крикнул: – Люди-и! Есть живые? Давайте опохмеляться, лю-юди-и...

...Опохмелялись уже, конечно, не так люто, как выпивали накануне. Пошатнувшееся здоровье поправили хорошей парилкой и купанием в бассейне, а для желающих организовали и прорубь в озере. Потом все ели уху с костра и делились обрывочными воспоминаниями о празднике, напрасно пытаясь составить целостную картину. Всем было очень хорошо, а потому, когда повеяло легкой грустью от того, что праздник закончился, все как-то разом заторопились в Питер – чтобы грусть эта не успела стать сильной.

Прощаясь, Юнгеров спросил сразу всех:

– Народ, я вас не сильно замучил?

Ответила за всех балерина Шереметьева, твердо поддерживавшая за локоть несколько размякшего эфэсбэшника Лагина:

– Народ с радостью встречает... освободительную армию батьки Бурнаша!<sup>12</sup>

Так что разъезжались с хохотом и шутками, несмотря на дрожь в руках и тяжесть в головах...

Когда все гости отбыли, Александр Сергеевич побродил по дому (он, кстати, пострадал не сильно, по крайней мере снесенных стен хозяин не обнаружил), попарился еще разок, поплавал в бассейне и, завалившись на кровать в своей спальне, нажал на пульт телевизора. Случайно он попал на какой-то добротный гангстерский фильм. В экране на всю стену кто-то надрывался: «Обыщите все кругом!.. Найдите его!..» А потом стильные мужчины в галстуках все время стреляли и бегали друг за другом.

«Если бы все было так просто!» – усмехнулся невесело Юнгеров и начал было задремывать. Но вдруг еще один эпизод на экране заставил его почему-то вздрогнуть. Один из персонажей фильма – гробовщик – объяснял какому-то парню: «Я просто приехал в этот город, чтобы заработать денег. Что за город без гробовщика? Я имею право узнать, чем все это закончится! Будем партнерами? Ты же не будешь стрелять в спину?» Собеседник гробовщика пожал плечами и ответил: «Я делал вещи и похуже!»

У Александра Сергеевича неизвестно с чего заныло сердце. Он выругался, подумал, что пить надо все-таки меньше, дождался пальбы на экране и под нее, успокоенный, наконец-то уснул.

В эту ночь ему снились сны – разные и в основном беспокойные. А под утро приснился сон вовсе нехороший. Увидел Александр Сергеевич лицо одного, ныне покойного, старого знакомого. Знакомец был при жизни человеком неприятным и подлым, хотя улыбался всегда красиво. Вот с такой красивой улыбочкой покойник во сне открыл Юнгеру дверь, через которую Александр Сергеевич вышел к берегу заросшего пруда. На песчаном берегу в старинном кресле сидела задумчивая старуха, которая долго разглядывала Юнгера, а потом сказала: «Вот и снова я, касатик...» Юнкер проснулся со стучащим сердцем и в холодном поту. Он был человеком абсолютно не суеверным и ни в какие вещие сны не верил, а над теми, кто любил порассуждать на эту тему, всегда остроумно издевался. Но дело в том, что эту старуху Юнгер уже однажды видел во сне. Это было в ночь перед его арестом.

Тогда она показала ему рукой на странный дом... А когда, много месяцев спустя, Александр Сергеевич прибыл в колонию, то увидел и узнал дом из того сна. Это был его барак.

Случай этот Юнкер никогда никому не рассказывал, чтобы его придурком не сочли, и старуху ту постарался забыть.

Когда он действительно о ней почти забыл, она о себе напомнила...

Приняв контрастный душ, Юнгеров практически успокоился и вышел на кухню (маленькую, а не в зал-«кухоньку») в почти нормальном настроении, но там его снова словно

<sup>12</sup> Культовая фраза из кинофильма «Неуловимые мстители».

током ударило, потому что за столом сидел и пил чай с сушками, поджидая его, Юрий Петрович Ермилов. Юрий Петрович был консиглиори, то есть советником Юнгера. И ведал Ермилов вопросами стратегической безопасности «империи». Когда-то Юрий Петрович был кадровым офицером, но, отслужив честно «двадцать пять календарей»<sup>13</sup>, встал под знамена Юнкера. Познакомились они еще до ареста Александра Сергеевича – и довольно странным образом. Как-то раз Юнкер со своей братвой «нахлобучили» один договорной магазин, где директор все никак не мог понять, нужна ему «крыша» или нет, и, к своему удивлению, обнаружили в подсобке ящик ручных гранат, спрятанный между турецкими «пропитками»<sup>14</sup>. Разумеется, тут же поехали эти гранаты опробовать, и, конечно же, недалеко, на Елагин остров. И там, чуть ли не на глазах патрульного милиционера, стали члены «коллектива» Юнкера эти гранаты по парку расшвыривать. Но ни одна не взорвалась – видимо, вся партия была с каким-то дефектом. А на все это хулиганство, кроме притихшего молоденького милиционера, еще смотрел некий человек в морской форме и с погонами капитана второго ранга. Он и заметил – спокойно так, – что надо бы, мол, все раскиданное обратно собрать. Юнкер ухмыльнулся и предложил – тебе, мол, надо, ты и собирай. А кавторанг взял – и собрал! Вот так и познакомился Юнгер с Ермиловым – а именно так звали того спокойного офицера. Юрий Петрович всю свою сознательную жизнь провел на флоте, но делами там занимался... специфическими. Он был специалистом по диверсиям и мероприятиям, эти диверсии профилактирующим. Александр Сергеевич потом к нему и в Кронштадт ездил, и даже стал помогать, чем мог, экипажу одного корабля...

Юрий Петрович был очень динамичным человеком, долг свой исполнял блистательно и не верил никому. Конечно, он был наемником, но наемником, которому не нравится фраза: «Только за деньги». Руководствовался он одним своим правилом: «Если все спокойно, значит, получена не вся необходимая информация». При этом Ермилов никогда не дергал по пустякам, и уж если он сидел утром на кухне загородного дома Юнгера, если приехал без предварительного звонка, значит, основания на то имел серьезные.

Юнкер рукой растер грудь под халатом, вздохнул и пожаловался, не здороваясь:

– Сон мне хреновый приснился, Петрович. Мерзостный такой сон. С перепоею, наверное...

Ермилов, как и большинство моряков, был человеком суеверным, невзирая на предельный прагматизм, поэтому покачал головой:

– Думаю, Сергеич, что неспроста этот звоночек.

– Ясный пень, – согласился Юнгер, наливая себе чай. – Раз уж ты тут сидишь, то и аналитиком быть не надо...

– А по-твоему, я на хорошие новости не способен? – улыбнулся Ермилов.

– Способен-то, может, и способен... – шумно отхлебнул из своей кружки Александр Сергеевич. – А только радостного ты мне не говоришь. И хорошего про людей не говоришь, только плохое.

– Плохое или про плохих?

– Ну... ну хорошо, про плохих... и что?

– Ничего, – пожал плечами Юрий Петрович. – Просто я хочу, чтобы их не было. По крайней мере – рядом.

– Ты прямо как один из первых последователей Христа...

– Не тяну. Скорее я – марксист, работающий в малых формах. То есть пытаюсь способствовать строительству коммунизма в твоей капиталистической империи.

<sup>13</sup> Жаргонное офицерское выражение – двадцать пять календарных лет составляют полную выслугу и дают право на военную пенсию в полном объеме.

<sup>14</sup> «Пропитка» – дубленка, пропитанная специальным составом, защищающим от снега и дождя.

– Во как! – покрутил головой Юнкерс. – Ладно, Петрович, не томи... а то я решу, что ты этими разговорами мне пилюлю сластишь, и начну нервничать.

– Есть! – Ермилов отставил от себя кружку и весь внутренне подобрался, как во время доклада командующему. – В общем, у меня две новости, и обе – не очень. Начну с той, которая проще и конкретнее: ты мне поручил выяснить, сколько ассоциация рынков собирает на подношения власти и сколько эта самая власть реально переваривает.

– Ну, – прищурился Юнгеров. – Так что, крадут суки?

– Разумеется, – спокойно кивнул Юрий Петрович. – Причем дела еще хуже, чем мы предполагали. Председатель ассоциации реально собирает на эти цели каждый месяц двадцать две тысячи тугриков. По моим подсчетам, на сегодняшний день власти из них перепадает не больше пяти. Итого: за год скоммунизжено не менее ста пятидесяти тысяч долларов. Теперь понятно, почему многое не получается с тендером на пятна под новые застройки. Мы-то считали, что чиновничья братия всё в полном объеме получает... Принципиально понятно?

– Понятно, – сжал зубы Юнкерс. – И кто крысы? Пофамильно!

Ермилов покачал головой:

– Не крысы, а крыса. Одна штука. Председатель – тот, кто передает взятки. Наша ошибка заключалась в том, что мы позволили одному человеку взять все контакты себе. Он освоился и, поскольку сам – далеко не дурак, то...

– Понятно! – вскочил и забежал по кухне, забыв про чай, Александр Сергеевич. – Чего тарыхтеть! Значит, так надо: под залегендированным предлогом встретиться с парой чиновников из крупных. Разговор поведи так, чтобы они от тебя слышали про истинные суммы, которые мы им должны были выплатить и готовы выплачивать в дальнейшем. Удивись их удивлению и сделай так, чтобы они устроили минискандал без выноса сора из избы. Так как юридически мы платим копейки, то фактическую сторону мало кто знает... Исходя из вышеизложенного, мы занимаем позицию оскорбленных в лучших чувствах. Типа, нам противно, и все такое... Пусть с председателем разбираются чинушки и другие члены ассоциации. Уверен, что некоторые не сдержатся и в сердцах наугрожают. И вот через пару дней после разбора полетов и его смещения и изгнания... Ты его имущественное положение проверял?

– Конечно. Огромная хата, кухня в мраморе.

– Очень хорошо. – Юнгеров сел и снова отхлебнул чаю. – Так вот, хату – сжечь! И не дверь, а всю квартиру, до основания! Зачем? А затем, чтобы потом некий водевильный злодей позвонил ему на мобильник: «Получил, мразь?! Не советуем ремонтировать, сожжем снова, зарежем...» – ну и так далее. Он, конечно же, ломанется к ментам. А злодей должен ему позвонить с таксофонной карты, чтобы, когда менты все перепроверят и карту эту вычислят, чтобы на ней был еще звонок к... Кто там еще самый высокомерный в ассоциации?

– Жданов.

– Вот, чтобы на карте еще был звонок Жданову. Мол, братва наугрожала и тут же отзвонилась Жданову и отчиталась. Точка. И с этого времени взятки носит наш человек. Надо будет – свой гешефт отдадим. Перетянем на себя одеяло, и затем, под ассоциацию, чинушки образованные нам решат все другие вопросы. Так что – нет худа без добра.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.